

## ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-7–15

**А.И. Омаров<sup>1</sup>, Б.Г. Алиев<sup>2</sup>**

### **Управленческая политика кавказской администрации в феодальных владениях Дагестана в первой половине XIX века**

<sup>1</sup> *Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; levzerov@mail.ru;*

<sup>2</sup> *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; bagomedaliev@inbox.ru*

В статье исследуется российский управленческий опыт в Дагестане в первой половине XIX века, который стал основой для последующего административного устройства Дагестана в 60-е XIX века, когда была введена так называемая «военно-народная» система управления.

Методология исследования основывается на диалектико-материалистическом понимании исторического процесса и на принципах историзма и научно-исторического детерминизма. Сравнительно-исторический метод позволяет определить особенности процесса распространения российского административного управления.

В процессе присоединения феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана к империи было необходимо вводить на новых территориях определенное административное устройство, позволяющее контролировать местное население. С 1806 года кавказская военная администрация начинает вмешиваться во внутреннее управление отдельных феодальных владений, используя такие методы, как отстранение неугодных правителей, ликвидация самих владений, восстановление ханств, назначение временных управляющих из числа русских офицеров, введение приставской системы. В исследуемый период были осуществлены определенные административные меры: образование Дербентской, Кубинской провинций, создание Дербентской губернии и Каспийской области, Прикаспийского края с включением в него феодальных владений. Фактический материал, использованный в статье, показывает что даже в период усиления военно-административного контроля феодальные владельцы Дагестана сохраняли самостоятельность и пытались достичь компромисса с кавказской администрацией.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что российское правительство, несмотря на активные военные действия против горцев в 30–50-е годы XIX века, уделяло внимание администрированию подконтрольных районов, вводило различные системы управления. Феодальной «элите» пришлось считаться с новыми политическими реалиями и адаптироваться к ним. Фактически в этот период апробируются отдельные элементы будущего «военно-народного» управления, идет медленный и крайне болезненный процесс политической адаптации местных народов к новым имперским условиям и формам жизнеустройства.

Это несколько разрушает сложившееся в кавказоведении представление, что в период движения горцев 20–50-х гг. XIX века российское правительство не занималось административным устройством края или уделяло ему мало внимания.

Ключевые слова: *Дагестан, Россия, Дербент, реформа, управление, провинция, край, пристав, хан, подданство, ориентация.*

Любое государство, которое присоединяет в результате военных акций (или на основе добровольных решений) какую-либо страну или территорию, устанавливает свои порядки. Прежде всего изменяются или ликвидируются местные органы управления и организуется новое управление, более соответствующее государственному устройству, с назначением своих административных лиц. Причем это делается как в рамках всей присоединенной территории, так и на местах, где существовала своя администрация. В этом плане не была исключением и Россия, которая проводила весьма активную политику на Кавказе, в том числе и в Дагестане. Важное геополитическое и стратегическое положение Дагестана делало его объектом внимания Российской империи.

Ранее в основном исследовалась административная политика российского правительства на Кавказе 2-й половины XIX века, когда была введена и функционировала так называемая «военно-народная» система управления. Однако проблема административного устройства Дагестана в первой половине XIX века нашла определенное отражение в дореволюционной, советской и постсоветской историографии.

В частности, организация управления исследовалась в работах С. Эсадзе «Историческая записка об управлении Кавказом» (Тифлис, 1907. Т. 1), «Утверждение российского владычества на Кавказе» под редакцией В.В. Потто (Тифлис, 1901–1908. Т. 1–4, 12), В.Н. Иваненко «Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича» (Тифлис, 1901), К. Компанского «Исторический обзор гражданских учреждений Кавказа и Закавказского края (по официальным данным) // Кавказский календарь на 1868 г. (Тифлис, 1867), Р.А. Фадеева «60 лет Кавказской войны» (СПб., 1889) и др. Значительный пласт официальной военной и административной документации содержат «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией» под ред. А. Берже (Тифлис, 1866–1904. Т. 1–12), охватывающие период с 1799 по 1862 год.

В советской историографии в работах М.Н. Покровского, Х.-М.О. Хашаева, Р.М. Магомедова, Х.Х. Рамазанова, В.Г. Гаджиева, Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева и других авторов, посвященных русско-дагестанским взаимоотношениям, можно найти отдельные архивные материалы и обобщения по нашей проблематике.

В постсоветской отечественной историографии были защищены диссертации и появились публикации, в которых ученые М.М. Гасанов, А.И. Омаров, Д.П. Геворкян, Б.Б. Сулейманов, З.М. Блиева исследуют различные аспекты административной политики царизма в первой половине XIX века в контексте интересующей нас темы. В статье М.М. Идрисова анализируется организация управления на территориях, подконтрольных российской власти [1, с. 6]. Совокупный фактический материал, обобщенный этими авторами, позволяет достаточно последовательно представить и раскрыть опыт взаимодействия военной администрации и местных феодальных владетелей.

В начале XIX века значительные территории Дагестана оказались присоединенными к империи. В 1803–1812 гг. ряд феодальных правителей и союзов сельских обществ принимает российское подданство. В крепости Георгиевск (1802 г.) между дагестанскими владетелями (Дербентский хан, шамхал Тарковский, Кайтагский уцмий, Табасаранский кадий и майсум и др.) был заключен договор. Они обязывались сохранять дружбу и союз между собой, не нападать друг на друга, споры разбирать «дружески... в трудных же или сомнительных случаях... относиться на рассмотрение е. и. в. яко защитнику и покровителю своему», в случае нападения Персии обязывались выступать вместе, «как бы едино тело и один народ, разделенный на разных правителей под вер-

ховным покровительством». Кроме того, владетели обязывались спасать корабли, терпящие крушение, покровительствовать «российском купцам, армянам, грузинам и других сословий людям» и защищать их [3, с. 259–262]. Политическая и этническая раздробленность Северо-Восточного Кавказа, а также иранские и турецкие претензии на этот регион не позволили реализовать Георгиевский договор 1802 г. Тем не менее, это был еще один важный шаг в процессе присоединения Дагестана к России. В 1803 году аварский правитель Султан-Ахмед-хан вслед за другими дагестанскими владетелями принимает российское подданство, фактически соглашаясь с условиями Георгиевского договора 1802 г. между Россией и феодальными правителями Дагестана [3, с. 263–264]. Несмотря на русско-иранскую (1804–1813 гг.) и русско-турецкую (1806–1812 гг.) войны, ряд союзов сельских обществ Дагестана принимает российское подданство: Балхар, Ансалта, Корода, Шодрода, Ахтыпара, Докузпара, Мискинджи, некоторые общества западного Дагестана и др. [3, с. 265, 272, 276, 283, 289, 298].

Присоединяя новые территории, владения и союзы сельских общин, Россия еще не предпринимала кардинальных мер по изменению административно-территориального устройства Дагестана. Изменения вносились в основном на местном уровне и главным образом там, где феодальные владетели и руководители союзов сельских общин оказывали вооружённое сопротивление России. В 1803–1812 гг. по приказу Главнокомандующего на Кавказе князя П.Д. Цицианова были осуществлены военные экспедиции против Джаро-Белоканского союза обществ, Елисуйского султанства, Шихали-хана Дербентского, Сурхай-хана Казикумухского, результатом чего стало присоединение их владений к империи [3, с. 459–460, 463–464]. После принятия подданства Сурхай-ханом Казикумухским его примеру последовали «акушелинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины» [5, с. 108–109]. Так или иначе, к 1813 г. практически все феодальные владения и большинство союзов сельских обществ были присоединены к России. Гюлистанский мирный договор между Ираном и Россией 1813 г. означал, что империя может вводить административное устройство на новых территориях. Однако российское правительство не могло не учитывать своеобразие политического устройства Дагестана, на территории которого большинство феодальных владений и десятки союзов сельских обществ фактически оставались независимыми. Было очевидно, что без полного подчинения их российской власти ввести новое административное управление невозможно.

В период Кавказской войны XIX века кавказское командование по мере присоединения какой-либо территории определенного феодального владения или союза сельских обществ обычно принимало меры по отстранению от власти феодальных владетелей и руководителей союзов сельских обществ, выступавших против политики России в Дагестане. Меры, которые применялись русским командованием на Кавказе по административному управлению, сначала касались только конкретного владения или союза сельских обществ, вошедших в состав Российской империи. Кавказовед Х.-М.О. Хашаев акцентирует внимание на официальных датах присоединения отдельных частей Дагестана к России. В частности, из Приказа по Кавказской армии от 16 июля 1860 года следует, что Кайтагское уцмийство, Тарковское шамхальство и Дербентское ханство были присоединены в 1806 году. Через несколько лет, в 1811 году, в состав империи входит Кюринское ханство. Табасаран и Казикумухское ханство присоединились в 1819–1820 гг. [4, с. 36]. Исходя из этого, Х.-М. Хашаев делает вывод о том, что вышеперечисленные территории Дагестана вошли в состав империи значительно раньше. «Владения кумыкских князей (имеются в виду три засулакских княже-

ства: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское. – Б.Г., А.О.) и шамхальство Тарковское состояли в подданстве России еще задолго до Восточного похода Петра I. Уцмийство Кайтагское, владения майсума и кадия в Табасарани, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское и Мехтулинское, отдельные вольные общества (Акуша, Анди) принимали подданство России разновременно в XVII–XVIII вв.» [4, с. 36]. Небесспорен вывод Х.-М.О. Хашаева о том, что «фактически с 1722 по 1735 г. весь Дагестан был частью Русского государства» [4, с. 36]. По договору, заключенному с Турцией в июле 1724 г. в Константинополе, за Россией закреплялись только отдельные равнинные районы Дагестана и Азербайджана. Это прибрежная полоса шириной от 100 до 119 верст у Дербента и 43 верст у города Шемахи (Северный Азербайджан). Большая же часть территории (предгорные, горные районы) Азербайджана, Грузия и Армения оказались под властью Османской империей.

Однако можно согласиться с Х.-М.О. Хашаевым в том, что «между подданством отдельных правителей Дагестана до XIX в. и вхождением всего Дагестана в состав России в начале XIX в. (имеется в виду Гюлистанский мирный договор 1813 г., заключенный между Россией и Персией. – Б.Г., А.О.) есть большая разница. Долгое время феодалы, состоящие в подданстве России, рассматривались как союзники России, за что получали чины и жалованье, но не были обязаны нести подати и повинности; от них требовалось только сохранение верности России» [4, с. 36].

Положение политических структур Дагестана начинает заметно меняться в первой половине XIX века. До этого Россия вообще не вмешивалась во внутреннюю жизнь административно-политических образований Дагестана, ограничиваясь поддержкой тех или иных лояльных к ней феодалов и довольствуясь их формальным подданством. Феодальные владетели управляли своими землями, как и раньше, до их присоединения к Российской империи, на правах ханов. Были введены лишь незначительные ограничения – на смертную казнь, на увечные наказания и на отчуждение имений [4, с. 37]. Неудобных ханов можно было только заменить на пророссийски настроенных и согласных с политикой России в Дагестане представителей той же ханской фамилии. Так произошло с Шихали-ханом, Дербентско-Кубинским правителем, когда в 1806 г. после взятия Дербента русскими войсками правительницей была назначена его сестра Периджи-бике, а правителем Кубинского ханства – ее младший брат Гасан-хан [6, с. 408–410].

Само же Дербентское ханство было передано в управление Мехти-хану шамхалу Тарковскому [3, с. 271–272].

По мере проведения определенных военных акций русское командование начинает вмешиваться в управление отдельных владений.

В 1822 году А.П. Ермолов управление Дербентом, Табасараном и Каракайтагом возложил на дербентского коменданта, полковника Е.И. Верховского [9, с. 279]. На некоторое время управление кадия и майсума было восстановлено, однако за антирусскую политику майсум был арестован и сослан в Астрахань, а управление Табасараном было поручено бекам майсумского и кадиевского происхождения. В 1819 г. был отстранен от управления кайтагский уцмий Адиль-хан. При этом было ликвидировано звание (титул) уцмий. Внутреннее управление уцмийством практически не изменилось, за исключением того, что были назначены беки для управления разными частями владения. Новым для Кайтагского уцмийства явилось назначение российского пристава для контроля за беками. Местом пребывания пристава был определено селение Великент. Однако позднее, в 1838 году, правительство передает право управлять верхнекайтаг-

скими обществами сыну прежнего опального уцмий Джамав-беку. Дореволюционный автор А. Неверовский охарактеризовал эти события так: «Уцмийство рушилось навсегда, и хотя отдано было в его роде, но без титула уцмий с подчинением приставу» [7, с. 16]. И далее, характеризуя управление Джамав-бека, он писал, что его «власть чрезвычайно слаба, и все управление находится в руках старшин» [7, с. 16]. В 1846 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда и находился там до образования Кайтаго-Табасаранского округа.

В 1818 году Султан-Ахмед-хан Аварский, который еще в 1803 году принял российское подданство и получил генеральский чин, возглавил союз феодалов и оказал вооруженное сопротивление новой власти. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолов лишил его ханской власти и назначил аварским правителем Сурхай-хана, сына Гебека, брата знаменитого Умахана Великого. Однако его происхождение (он считался чанка-беком, то есть рожденным в результате неравного брака) и отсутствие каких-либо выдающихся качеств помешали ему завоевать уважение жителей ханства, большинство которых признавало правительницей вдову Султан-Ахмед-хана Баху-бике [2, с. 478].

Впоследствии ханше Баху-бике удалось более или менее нормализовать отношения с российским правительством, которое в 1828 году формально разделило управление между вышеупомянутым Сурхай-ханом и ее сыном Абу-Султан-Нуцалом. Им были присвоены чины полковников и назначено жалование 2 тыс. рублей в год [8, с. 353–556]. В 1831 г. преемник А.П. Ермолова командир Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Паскевич по ходатайству ханши Баху-бике управление Аварским ханством поручил Абу-Султан-Нуцалу, а Сурхай-хан к этому времени был дискредитирован в глазах кавказского командования как беспомощный правитель, не оправдавший надежд. В 1836 г., после трагической гибели правящей аварской династии, управление Аварским ханством было поручено брату бывшего аварского владельца Султан-Ахмед-хана Ахмед-хану Мехтулинскому [8, с. 356]. После смерти последнего в 1843 г. некоторое время управление осуществлялось старшиной Айтбером [19, с. 295–298]. Но в том же году, во многом благодаря действиям наиба Хаджимурада, территория Аварского ханства попала под власть Шамиля. Здесь надо подчеркнуть, что с 1837 года на территории Хунзаха впервые в его истории появляется российское укрепление, сооружается цитадель. Начальник этой цитадели осуществлял надзор за управлением и фактически являлся главным лицом на территории Аварского ханства.

Заметные изменения после 1820 года произошли и в Казикумухском ханстве. Как известно, Сурхай-хан II, потерпев поражение в сражениях при Чирахе и Хосрехе, был вынужден бежать в Аварию. Российская власть продолжала поддерживать его племянника и противника Аслан-хана Кюринского, и вскоре два ханства, Кюринское и Казикумухское, были объединены. В дальнейшем этим ханством управляли Аслан-хан [10, с. 26] и его сыновья – Нуцал-ага и Магомед-Мирза в 1836–1838 гг., позже вдова Аслан-хана Умма-Гюльсум-бике [5, с. 29–37]. Почти до ликвидации ханства в 1859 г. Казикумухским ханством управлял Агалар-хан – брат бывшей правительницы.

Кавказское командование в отдельных случаях прибегало и к ликвидации феодальных владений, что произошло, например, с Мехтулинским ханством. В октябре 1818 г. А.П. Ермолов прибыл с войсками в Тарковское шамхальство, затем двинулся в Мехтулинское ханство, занял Параул, Большой и Малый Дженгутай и разрушил их. Потом он заявил, что «истребил только две деревни дженгутайские, в коих осмелились они поднять оружие против нас, и вместе с оными предал я огню все дома и имения,

состоящие в прочих деревнях, принадлежавших подлой фамилии Султан-Ахмед-хана» [10, с. 27]. Первое лицо российской власти на Кавказе А.П. Ермолов объявил об упразднении Мехтулинского ханства. Как писал Р.М. Магомедов, тем самым Ермолов наказал Гасан-хана, как образно выразился он, лишив Мехтулинское ханство «статуса отдельного государственного образования» и «отобрав села Аймаки, Охли, Кулецма, Урму» [12, с. 312]. Практика приставства была апробирована и в Мехтулинском ханстве, когда войсковой старшина Яков Батырев был назначен управлять признавшими «покорность» селениями Большой и Малый Дженгутай, Дуранги [13, с. 5]. А.П. Ермолов отрицательно относился к управлению местных феодалов – ханов в Дагестане и считал первостепенной задачей русских властей ликвидацию ханств и введение в них русской администрации [14, с. 183]. «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества, – пишет Е.П. Ермолов князю М.С. Воронцову и подытоживает, – ...вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество» [2, с. 475].

Однако в 1820 г. Мехтулинское ханство было восстановлено. Многие дагестанские феодальные правители были связаны узами родства и пытались помогать своим сородичам. Так, например, Мехти-шамхал Тарковский просит А.П. Ермолова даровать прощение детям Гасан-хана Мехтулинского – Ахмед-хану и Али-Султану. Они явились с повинной, получили прощение, а Ахмед-хан был назначен правителем владения, за исключением селений Параул, Кака-Шура, Дургели, Казанище, которые ранее составляли удел Султан-Ахмед-хана Аварского, но после лишения его власти в 1818 году были отданы Мехти-шамхалу Тарковскому [8, с. 38]. В Мехтулинское ханство также был назначен пристав – штаб-офицер, который должен был контролировать ситуацию и добиваться от вдовы Ахмед-хана Нох-бике выполнения всех указаний правительства. Вплоть до 1854 года сохранялся этот порядок управления. [13, с. 6–7; 15, с. 40].

Были в Дагестане и такие феодальные владения, в управление которых русское командование не вмешивалось, например, Тарковское шамхальство, которое оно практически опекало. Еще в 1806 г. в управление шамхалу были переданы все 15 сел так называемого Улусского магала Дербентского ханства. Кроме того, в связи с упразднением Мехтулинского ханства в 1818 г. Мехти-шамхалу Тарковскому были подарены еще четыре наиболее крупных села ханства, принадлежавших аварскому Султан-Ахмед-хану [13, с. 6].

Главкомандующий на Кавказе генерал-адъютант Е.А. Головин получает следующие указания от императора Николая I: «Я полагаю, что где мы встретили покорности, там полезно оставлять прежних владетелей... Но там, где нужно было проникнуть силою, тут предпочтительнее ставить наших чиновников и военных, самых надежных. Управлять, не изменяя ни местных законов, ни обычаев, дань требовать только ту, которая получалась прежними владельцами и отнюдь не обременять жителей. Духовенству оказывать особое покровительство, лаская и наслаждая их и улучшая содержание» [14, с. 124]. О необходимости уделять особое внимание муллам, мечетям и вере говорится и в другом письме императора в 1843 году [11, с. 394]. Вполне убедительной и соответствующей внутреннему состоянию феодального управления Дагестана является характеристика А. Руновского, бывшего приставом при имаме Шамиле. Анализируя ситуацию в Дагестане, он отмечает, что «после покорения дагестанских племен мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но и

представили им власть управлять народом на прежних основаниях, еще укрепили там власть. Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских, как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми» [16, с. 680]. Данная ситуация сохранялась до 1867 года, когда было упразднено последнее феодальное владение – Тарковское шамхальство и завершилась история феодального управления в Дагестане.

Можно констатировать, что российская администрация на Кавказе в течение первой половины XIX века практически при проведении своей политики в Дагестане опиралась на местных феодалов и постоянно использовала местную феодальную верхушку в своих целях, особенно в период народно-освободительного движения горцев в первой половине XIX века. Долгое время феодальные правители и беки были нужны царизму по разным причинам: слабость российских позиций на Кавказе в начале XIX века, необходимость экономии средств на содержание администрации, нехватка русских чиновников, а также использование феодалов и их окружения против обществ и владетелей, не желавших принимать новые исторические реалии.

Такова в целом административная политика имперской власти в отношении феодальных владений Дагестана в рассматриваемый период. Главная особенность изменений видится в том, что новые административно-территориальные и управленческие структуры и новые должности не задевали основы и сущность управления феодальных владений Дагестана. В них остались те же институты управления и власти, какие существовали и до присоединения Дагестана к Российской империи.

### Литература

1. *Идрисов М.М.* Участие населения подвластных царской администрации районов Дагестана в движении горцев Северо-Восточного Кавказа в 1830–1832 гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33, вып. 3. – С. 6–12.
2. История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М.: Наука, 2004. – 627 с.
3. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. – М.: Наука, 1988. – 357 с.
4. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М.: изд. Академии наук СССР. – М., 1961. – 262 с.
5. Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. Т. 3, ч. 1. – 470 с.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. (АКАК). – Тифлис, 1869. Т. III. – 706 с.
7. *Неверовский А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. – СПб., 1848. – 42 с.
8. Неизвестный автор. Записка о сношениях с аварскими ханами с 1806 года по 1838 г. // История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М., 1958. – 317 с.
9. *Потто В.А.* Кавказская война. Ермоловское время. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – тТ. 2. – 688 с.
10. *Комаров А.* Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – С. 1–39.
11. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 783 с.

12. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. – Т. 2. – 520 с.
13. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1869. Вып. II. – С. 1–16.
14. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.
15. Архив князя Воронцова. – М., 1890. Кн. 37. – 520 с.
16. Руновский А. Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля // Военный сборник. – СПб., 1859. Т. 5.
17. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. – 552 с.

*Поступила в редакцию 14 мая 2022 г.*

UDC 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-7–15

### **The Caucasian Administrative Policy in the Dagestan Feudal Possessions of the First Half of the 19<sup>th</sup> Century**

***A.I. Omarov<sup>1</sup>, B.G. Aliyev<sup>2</sup>***

<sup>1</sup> *Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; levzerov@mail.ru;*

<sup>2</sup> *Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Russia, 367030, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75; bagomedaliev@inbox.ru*

The main purpose of the article is to study the Russian managerial experience in Dagestan in the first half of the 19<sup>th</sup> century, which became the basis for the subsequent administrative structure of Dagestan in the 60th of the 19<sup>th</sup> century, when the so-called "military-people's" management system was introduced.

The research methodology is based on the dialectical-materialistic understanding of the historical process, the principle of historicism and scientific-historical determinism. The comparative-historical method makes it possible to determine the features and main trends in the process of the Russian administrative management spreading.

The study of the joining the feudal possessions process and the annexation of the Dagestan rural societies to the empire shows the need to introduce a certain administrative structure in new territories allowing to control the local population. Accordingly, since 1806, the Caucasian military administration started interfering in the internal management of the individual feudal possessions, using such methods as the removal of unwanted rulers, the liquidation of the possessions themselves, the restoration of the khanate, the appointment of temporary managers from among Russian officers, the introduction of the bailiff system. During the period under study, certain administrative measures were implemented: the formation of the Derbent and Cuban provinces, the foundation of the Derbent province and the Caspian region, the Caspian Region with the inclusion of feudal possessions. The factual material used in the article shows that, despite the strengthening of the military-administrative control,



the Dagestan feudal lords maintained their independence and tried to reach a compromise with the Caucasian administration.

The analysis made it possible to conclude that the Russian government, despite the active military actions against the highlanders in the 30–50s of the XIX century, paid attention to the administration of controlled areas, introducing various management systems. The feudal "elite" was slowly but surely forced to reckon with new political realities and adapt to them. In fact, during that period, certain elements of the future "military-people's" administration was being tested, a slow and extremely painful process of political adaptation of local peoples to the new imperial conditions and forms of life was underway.

Keywords: *Dagestan, Russia, Derbent, reform, administration, province, region, khan, citizenship, orientation.*

*Received 14 May 2022*